

Предпосылки к демократии, или был ли у Беларуси шанс?

Алексей Пикулик

Судя по всему, частые высказывания белорусских властей о том, что «Беларусь не готова к демократии», являются не только способом идеологической легитимации, но и искренним мнением значительной части политического класса страны. Данный тезис близок к стилизованной версии модернизационной теории: только появление у общества «правильной» системы ценностей и интересов приводит к успешному построению капитализма и демократии.

Альтернативный тезис: «в белорусском авторитаризме виноват Лукашенко», наоборот, игнорирует роль структурных предпосылок и наделяет белорусского президента сверхспособностями Бога из машины из античной трагедии, спустившегося на политическое поле в 1994 году и исказившего ход политической истории страны.

Так была ли Беларусь действительно не готова к демократии в начале 90-х, и является ли белорусская политическая траектория на самом деле аномальной?

Проанализировав «предрасположенность» Беларуси начала 90х к демократии с точки зрения семи наиболее влиятельных теорий демократизации, можно прийти к следующим выводам:

Первое. С точки зрения шести из семи основных теорий демократизации Беларуси начала 90-х мог быть предсказан вероятный авторитарный финал. И только теория влияния «конституционного дизайна» на политический итог трансформации предсказывала Беларуси удержание от спада в авторитаризм. Кроме того, такие факторы, как «уровень человеческого развития», а также отсутствие этнонациональных конфликтов могли рассматриваться как благоприятные условия в том, что касается перспектив построения демократических институтов.

Второе. Отсутствие достаточных структурных предпосылок к демократизации не означает, что Беларусь была «проклята» историей и неизбежно обречена на авторитаризм. Предрасположенность не означает неизбежность. Несмотря на еще менее благоприятные стартовые условия и полное отсутствие предрасположенности к демократии, Монголия, например, смогла построить консолидированную демократию (Fish, 1998). Наконец, предпосылки не всегда столь важны. Так, демократия зачастую является продуктом конфликтов и патовых ситуаций и не является результатом развития, сплоченности, консенсуса и доброй воли (O'Donnell and Schmitter 1986, 72). **Для демократии вовсе не нужны демократы, она является результатом ситуации, когда ни одна из борющихся за власть групп не обладает достаточными ресурсами для подавления оппонентов.** Как говорил Бенжамин Франклин, «демократия — это договор о правилах между хорошо вооруженными джентельменами». То есть демократию не возможно создать сверху

или снизу, она спонтанно возникает из переговорного процесса (Przeworski, 1991) и является побочным результатом борьбы за власть.

Политические итоги постсоциалистической трансформации в сравнительной перспективе

Прежде чем перейти к непосредственному анализу факторов, необходимо четко визуализировать карту политической трансформации постсоциалистического пространства. Во многом она уникальна: начиная со схожих стартовых позиций, страны выбрали разные трансформационные пути, и, пройдя через разнообразные нестабильные политические режимы (гибридные режимы), к 2012 году преимущественно стабилизировались в демократических и авторитарных «клубах».

Год	Демократии	Гибридные режимы	Автократии
1996	Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия	Албания, Армения, Болгария, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Румыния, Россия, Словакия, Украина	Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан
2012	Болгария, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Монголия, Польша, Румыния, Словакия, Словения	Албания, Армения, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Украина	Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан

Уже в 1994 году Беларусь покинула «клуб» гибридных политических режимов и в результате референдума 1996 года трансформировалась в «консолидированный авторитаризм» (Silitsky, 1999). Россия присоединилась к этому клубу в 2004 году. Ни одна из постсоветских республик, за исключением балтийского трио, не сумела перейти в демократический лагерь. После оранжевой революции ближе всех к нему оказалась Украина, но лишь «потоптавшись у дверей» демократии, начала притягиваться к авторитарной семье.

Какие факторы способствовали попаданию стран в те или иные политические клубы в целом, и какие стартовые условия были у Беларуси?

1. Низкий уровень социо-экономической модернизации

Автор модернизационной теории демократии Сеймур Мартин Липсет утверждал, что страны с высоким ВВП на душу населения в конечном итоге установят стабильные, эффективные и легитимные демократические режимы, так как экономическому росту сопутствует ряд факторов развития: повышение уровня образования, интенсификация коммуникаций и появление среднего класса и гражданского общества — церберов демократии.

Представители так называемого неомодернизационного подхода Лимонджи и Пшеворский, проанализировав связь уровня экономического развития и демократии, утверждали, что демократизация может произойти на любом уровне экономического благосостояния, однако шансы на крушение демократии при уровне ВВП на душу населения в 4000 долларов США стремятся к нулю. Воспользовавшись расчетами Йоргена Меллера, учитывая поправку на покупательскую способность доллара, за «порог», после которого авторитаризм практически невозможен, мы берем цифру в 6236 долларов США (GDP per cap in PPP). Соответственно, применив этот «порог» к

постсоветским странам (среднее за 1989-1991гг), можно сделать вывод, что с точки зрения теории модернизации Беларусь (как и Албания, Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) имела авторитарную предрасположенность. А Болгария, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Россия, Словакия, Словения и Украина преодолевали порог 6236 долларов, и, если верить Лимонджи и Пшеворскому, были фактически обречены на успех.

2. Низкий уровень мобилизации (национальный аспект)

Ряд исследователей (Kuzio, 2007; Bunce, 1995; Motyl, 2001; Kuzio, 1998; Marples, 1999; Silitski, 2005) предполагали, что сила и направленность национальной идентичности, а также национальные движения и их лидеры могут являться важными факторами демократизации в начале переходного периода. Во-первых, антикоммунистическая мобилизация должна была способствовать спросу на независимость и европейское будущее (ЕС как способ убежать от России). Во-вторых, скорее лидеры национальных движений были избраны историей для схватки с коммунистической номенклатурой. Так, **одним из главных объяснений белорусской авторитарной трансформации, по их мнению, был низкий уровень белоруссизации и «особая» национальная идентичность белорусов.**

Я намерено обхожу языковые и культурные вопросы, а также вопрос стратегий национальных движений. Ограничусь лишь достаточно объективным индикатором из базы данных Марка Бейсингера (2002) «Число массовых демонстраций» по националистским вопросам в посткоммунистических странах за период с 1987 по 1992 годы, который демонстрирует относительно низкий уровень участия белорусских граждан (как и украинских) в демонстрациях и протестных акциях. Из этого, условно, можно заключить, что Беларусь не обладала предпосылками к демократии в том, что касается массовой мобилизации на основе национальных движений/дискурсов.

3. «Плохое» историческое наследие

По мнению большой группы исследователей (Linz and Stepan, 1996; Ekiert and Hanson, 2003; Bunce, 1999; Kitschelt, 1999), историческое наследие является определяющим фактором направленности институциональных изменений в посткоммунистический период. Герберт Китчельт систематизировал аспекты как докоммунистического, так и коммунистического развития в определенный набор переменных и провел черту между определенными **типами коммунизма**, превалирующими в бывшем советском блоке:

- 1) бюрократический авторитарный;
- 2) национальный приспособленческий;
- 3) наследственный коммунистический;
- 4) колониальный периферийный.

Данные режимы отличались досоветской историей, формальной бюрократизацией государственного аппарата и методами властного воздействия в советские времена. Два типа режима — бюрократический авторитарный и национальный приспособленческий, по мнению Китчельта, способствуют демократизации, а

наследственный коммунистический и колониальный периферийный, напротив, скорее склонятся к автократии. В том, что касается наследия, считает Китчельт, лишь Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия и Словения обладали благоприятным для демократии историческим наследием.

4. Отсутствие европейской перспективы

Теории влияния внешних игроков, в частности ЕС, на демократизацию постсоветского пространства так или иначе схожи, поэтому приведем в пример лишь наиболее показательную. По мнению Милады Анна Вахудовой (2005), ЕС обладает определяющей силой притяжения, способной вовлечь страны в орбиту демократического капитализма, даже если отправной точкой для них служат нелиберальные режимы. Демократизация зачастую происходила благодаря политике обусловленности ЕС, импорту лучших практик, возврату к европейским ценностям и аппроксимации законодательства на завершающем этапе. Для упрощения задачи по операционализации разделим страны на те, у которых были перспективы вступления в ЕС, и те, у которых таких перспектив не было. Беларусь, а также Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан, не имевшие перспектив членства в ЕС, находились вне влияния демократической гравитации, и, соответственно, не были «благословлены» на демократический переход.

5. Низкий уровень замещения коммунистов на первых выборах

Стивен Фиш (1998), признавая важность характера и результатов первых выборов как предпосылки к экономическим реформам и демократизации, отмечал, что результат первых выборов зачастую является произвольным (не зависящим от предпосылок), при этом обуславливающим дальнейшее развитие политических и экономических институтов.

Иными словами, лучшим показателем качества будущих реформ в контексте 26 посткоммунистических стран является то, какие именно новые элиты пришли к власти в результате первых выборов. Развивая теорию Фиша, Китчельт (1999) провел повторный анализ гипотезы статистически и подтвердил значимость победы антикоммунистических сил в первых посткоммунистических выборах и установления политических и гражданских прав и свобод в результате этого процесса.

Учитывая все вышесказанное, мы используем рейтинг вытеснения коммунизма на первых выборах, разработанный Стивеном Фишем (1999) в качестве наиболее простой стратегии. Беларусь наряду с Албанией, Азербайджаном, Болгарией, Казахстаном, Монголией, Румынией, Таджикистаном, Туркменистаном, Украиной и Узбекистаном относится к группе стран с минимальным вытеснением коммунистов в результате выборов 1989 года. Это, согласно гипотезе о политической соревновательности, не способствовало демократизации. Соответственно, остальные 13 страны постсоциалистического лагеря были «обречены» на успех сменой элит на первых выборах.

6. Экономические искажения

Значительная часть исследований (например, Грешкович, 2004) связывает постсоветскую политическую траекторию с изначальным уровнем советского экономического наследия. Чем выше уровень структурных экономических искажений, тем более сложной будет трансформация, так как «искаженные»

экономики будут характеризоваться высокой политической стоимостью реформирования и наличием могущественных групп, ищущих ренты (например, «красные директора»). Согласно Нооргарду (2000), индекс экономических искажений включает в себя: монополию (доля очень крупных централизованных предприятий), долю торговли на территории СЭВ (отражает функциональную специализацию экономик в разделении труда в рамках соцлагеря), сдерживаемую инфляцию (как альтернатива относительному дефициту товаров), а также надбавку черного рынка (означает ожидаемую и очевидную реальную стоимость национальной валюты и, как следствие, уровень отклонений в национальной экономике по сравнению с относительными ценами, которые будут установлены в экономике, когда будут сняты ограничения).

Используя индекс Оле Нооргарда (2000), можно заключить, что Беларусь, являющаяся наиболее «искаженной» из всех постсоциалистических экономик (за ней следовала Украина) имела предпосылки к авторитаризму с точки зрения теорий экономических искажений.

7. Конституционный дизайн

Сторонники парламентаризма (Frye (1997); Bruszt (2002); Bunce (1999) и Fish (2006)) указывают на важность конституционного дизайна, настаивая на том, что усиление парламента и одновременное ослабление президентской власти являются благом для демократизации. Тимоти Фрай (1997) и Стивен Фиш (2006) пришли к выводу, что **наличие сильной законодательной власти, которая служит противовесом президенту, способствует построению демократии, в то время как обратное ведет к появлению автократии**. При этом, по мнению Китчельта (1999), выбор конституционных дизайнов в постсоциализме во многом был спонтанным и не всегда отражал реальное распределение власти между игроками, вовлеченными в конституционный процесс. Соответственно, тезис: «чем сильнее парламент, тем сильнее демократия», не является тавтологией.

Для операционализации позаимствуем «индекс силы парламента», разработанный Стивеном Фишем в 1999 году и положимся на его значение в 0.6 как порог, разделяющий страны с сильным и слабым парламентом. Беларусь образца 1991-1994 годов, при этом, следует относить к странам с сильным парламентом (так как институт президента отсутствовал как таковой). Таким образом, Беларусь, наряду с Албанией, Болгарией, Чехией, Эстонией, Венгрией, Латвией, Литвой, Молдовой, Монголией, Польшей, Румынией, Словакией и Словенией, относилась к странам, предрасположенным к демократии.

Заключение

В этой статье намеренно отсутствует как критика каждой из перечисленных теорий, так и попытка найти «лучшую» переменную. Этому будет посвящена отдельная статья в рамках данного цикла. Как было сказано, цель этой работы — оценить стартовые позиции Беларуси в сравнительной перспективе с позиции не критического применения теорий.

Выводы, которые можно сделать, состоят в том, что шесть из семи теорий демократизации предсказывали Беларуси авторитарный исход, и только один фактор — конституционный дизайн в начале 90-х — удерживал страну от сползания в авторитаризм первые три года независимости. **Пессимистичная интерпретация этого факта, состояла бы в том, что в стране, с высокой степени**

предрасположенной к авторитаризму, авторитаризм был отложен до 1994 года, попросту потому, что введение института президентства запаздывало (булгаковская Аннушка еще не пролила масло).

Однако демократия в Беларуси как была возможна, так возможна в некоторой перспективе. И дело не в том, что белорусское общество должно для этого созреть. Скорее, в белорусском случае, демократизация произойдет тогда, когда монолит правящих элит даст трещины и ситуация "winner takes it all" (победитель получает все) перестанет быть возможной. Беларусь демократизируется тогда и только тогда, когда в стране возникнут новые самостоятельные группы, которые будут обладать схожими ресурсами и которые посчитают, что институциональный компромисс дешевле, чем война всех против всех.

Что может привести к этой ситуации? Случайные события, просчеты властей, внешние шоки, транслирующиеся в экономические кризисы и структурные экономические реформы. **Критическая необходимость в последних лишь повышает давление на политический класс, который пока что демонстрирует неспособность принять на себя политические риски модернизации и, тем самым, парадоксально, рискует все больше и больше.**